

Владимир Резник

Сады Эдема

Ученик спросил мастера дзен Содзана:

— Что на свете самое ценное?

— Дохлая кошка, — ответил учитель.

— Почему? — попытался выяснить ученик.

— Потому что никто не может назвать её цену, — ответил Содзан.

Буддистская притча.

Двадцать раз за день — столько сигарет я разрешаю себе выкуривать ежедневно — я смотрю с балкона на огромный, занимающий чуть ли не полстены стоящего напротив дома плакат, и представляю, что там, за этой побуревшей от времени и городской копоти тканью и грязным кирпичным фасадом за ней находится моя следующая и на этот раз последняя квартира. С потускневшей рекламы радостно улыбаются две светловолосые женщины: молодая полногубая в белом медицинском халате и пожилая — седая, добродушная и счастливая. Ниже зелёными вычурными буквами выписано название: «Эдемский сад» и номер телефона, который следует набрать, чтобы оказаться в их счастливой компании. Я не позвонил. Но раз, проходя мимо центрального входа, заглянул внутрь. Вместо милой молодой блондинки за стойкой оказалась старая и тощая мексиканка с длинными разноцветными ногтями. Не сразу оторвавшись от телефона, она злобно поинтересовалась, какого чёрта я тут забыл? Я не нашёл ответа.

То был финальный этап моей проигранной войны с курением. Я следил за собой тщательно и безуспешно: то покупал портсигары и укладывал в них назначенную себе дневную норму (начинал с наивных десяти), то отсчитывал и выкладывал рядком на столе, как последние патроны, разрешённое количество и чуть ли не запирал остальное — ничего не помогало. Тогда я стал просто открывать одну пачку на день — и всё равно регулярно пытался сжульничать, залезть в будущее,

клятвенно обещая себе, что завтра ограничусь оставшимися. В результате всё-таки остановился на двадцати — поражение, конечно, но всё ж не капитуляция.

Двадцать раз в день я стряхиваю пепел в сырую землю цветочного горшка, зазимовавшего на балконе, и думаю, какой степенью глухоты или идиотизма надо было обладать, чтобы назвать шестиэтажный, краснокирпичный, пропахший старостью, болезнями и тоской дом престарелых «Эдемским садом»?

Он появился тут задолго до того, как выстроили кооператив, в который я вот уже год как перебрался и где с широкого балкона в просвет между соседними многоэтажками каждый вечер люблюсь закатом. Восхода с моего балкона не видно. Хороший, кстати, кооператив, и квартира отличная: большая, просторная и тихая. Только вот не спится мне в ней: то кошмары снятся, то призраки мерещатся, и ворочаюсь полночи с боку на бок и проклиная себя за то, что решил сюда переехать — да поздно.

Обитателей «Эдемского сада» я вижу почти ежедневно, когда прохожу мимо приюта, направляясь на прогулку в расположенный неподалёку парк. Они курят на открытой веранде, обращённой к шумной, вечно загруженной дороге. Веранда маленькая, помещаются не все, и некоторые постояльцы выносят матерчатые складные стульчики или потёртые плетёные кресла-качалки прямо на тротуар. Вскоре после переезда я уже знал многих в лицо и даже пытался здороваться, но, как правило, не получал ответа. Лица сидящих оставались безучастны и серы. Впрочем, с одним жильцом я всё-таки сдружился. Позже я стал замечать их на улице, выделять из толпы. Обычно они независимо от погоды легко, по-домашнему одеты и всегда неуклюже спешат: в ближайшую лавочку или на открытую круглосуточно автозаправку за сигаретами и кофе, а то и в магазин спиртного, откуда выходят с заговорщицким видом, пряча на груди коричневый пакет с запретной добычей. Похоже, что этот «Эдем» — бюджетный вариант рая, куда направляются тела (пока ещё тела) счастливых, не заработавших, не отложивших и не скопивших за свою долгую жизнь достаточно, чтобы претендовать на рай посolidнее. Иногда по выходным я вижу приехавших навестить счастливых «эдемцев» родственников — потёртых жизнью немолодых детей и хмурых внуков, не отрывающихся от телефонов и мечтающих поскорее удрать домой. Не знаю, доплачивают ли детки что-то за пребывание своих непосредственных творцов в этом «раю», но подозреваю, что если и да, то с большой неохотой, и с огромным облегчением узнают, что платежи можно остановить, в связи с отбытием клиента в иные эдемы.

Каждый вечер часов около семи из двери чёрного хода, скрытой от моих глаз козырьком навеса, выходит, переваливаясь, полная пожилая женщина. Прямые и редкие седые волосы скручены в пучок на макушке, круглые очки. Глаз с балкона не разглядеть, но мне почему-то кажется, что они водянисто-голубые. Она закуривает, кладёт наземь что-то принесённое: то ли блюдо с едой, то ли просто кусок чего-то, оставшегося от ужина, и начинает звать: «Китти, Китти...»

Так она кричит несколько минут, докуривает сигарету и возвращается внутрь. На зов никто не появляется. Никогда. Бродячих кошек в районе немало, возможно кто-то из них потом и съедает оставленное, но я ни разу этого не видел. Один из моих соседей по дому — высокий пожилой врач с нервным тиком и смазливой молоденькой женой — рассказал, что никакой кошки и не было, по крайней мере, те почти десять лет, что женщина живёт в этом «райском саду». Может когда-то и существовала в той прежней, «до-райской» жизни, но давным-давно сдохла. А женщина — просто тихая сумасшедшая. Обитатели нашего кооператива давно смирились с этим ежевечерним призывным зовом и даже добродушно посмеиваются: Который час? Да семи ещё нет — ведь Китти ещё не звали ужинать.

Узкий четырёхэтажный кондоминиум с окнами спален, выходящими на задний двор «Эдемского сада», начали строить в середине осени, и к лету он уже был готов и заселён. Я с интересом наблюдал со своего балкона весь процесс постройки от начала до сдачи и поражаюсь скорости и слаженности, с которой работали строители. Четыре этажа — четыре хорошие, дорогие квартиры. Солидные состоятельные люди, и неплохие, наверно, но они ведь не знали про «Китти». Они терпели месяц, потом объединились и для начала сходили по очереди, а после и вместе к руководству «Эдема». С тем же успехом они могли бы обращаться к создателю Эдема небесного. Заведующая, выросшая в многодетной протестантской семье одинокая пятидесятилетняя старая дева, своих подопечных в обиду не дала, и жалобщиков просто выставили за дверь. Тогда они начали писать кляузы. В приют наезжали комиссии и проверяющие, но ничего не помогло, зацепиться было не за что — и каждый вечер Китти продолжали громко звать на ужин. А она всё не приходила.

* * *

Первую кошку обнаружил в шесть тридцать утра Томас Уайт — мускулистый чернокожий охранник «Эдема», пришедший в этот день, вопреки обыкновению, на работу вовремя. Его слегка покачивало после бессонной ночи в клубе и двух сигарет с марихуаной, и поначалу он не понял, что за серая шкурка валяется у входной двери. Кошка сдохла давно, трупик был сухой, плоский и напоминал то ли дверной коврик, то ли половую тряпку. Присмотревшись, Том разобрался, на что он чуть не наступил, выматерился и ловким движением, носком тяжёлого армейского ботинка вышвырнул кошачьи останки на проезжую часть дороги. К кошкам, да и вообще ко всем домашним животным, Том был безразличен — воспринимал их как плюшевые игрушки, чья жизнь не стоила ничего. Впрочем, после двух лет службы в Афганистане он перестал ценить и человеческие. Уайт не придал значения находке и никому о ней не рассказал.

Вторую кошку следующим утром тоже нашёл охранник — сменщик Тома — Самюэль Барнс, пухлый рыжеволосый коротышка с женской фигурой и высоким голосом. Кошка также была мёртвой, но, в отличие от предыдущей, сохранилась

лучше и смахивала бы на чучело для школьного кабинета зоологии, если б не пустые провалы глазниц. За тупость Барнса выгоняли по два раза чуть ли не из каждого класса из тех восьми, что он всё же ухитрился закончить, но к тридцати годам он, не прочитавший ни одной печатной книги, пристрастился к аудио и слушал теперь подряд всё, что мог скачать в районной библиотеке — от Шекспира до «Гарри Поттера». Так что, увидев перед входом мёртвое, высохшее, но ещё похожее на себя животное, он тут же припомнил, как Гекльберри Финн для избавления от бородавок рекомендовал ночью на кладбище покрутить дохлую кошку над головой. У Барнса возникла смелая мысль принести её медсестре Лили — смешливой брюнетке с круглым коричневым наростом на левой щеке, но, на своё счастье, он вовремя передумал. Кроме весёлого нрава у Лили имелась ещё тяжёлая рука, и Барнс как-то испробовал её на себе во время ночного дежурства, игриво хлопнув медсестру по пышному заду. Вспомнив это — у него тут же вспыхнула и зачесалась щека — Барнс благоразумно отодвинул кошку от входа забытой кем-то из постояльцев тростью и позвал уборщицу.

Невыспавшаяся и густо пахнущая свежим перегаром Саманта Л. Кларенс сообщила Барнсу, что она не нанималась подбирать всякую заразную дохлятину, и ей хватает шестидесяти засранцев, из которых часть ходят под себя, а половина не помнит, как их зовут. Что если бы не пятеро малолетних детей, двести лет рабства и несправедливость капитализма, то чёрта с два её бы здесь видели. Собрались слушатели. Старушка из четвёртой палаты со сложной французской фамилией, которую никто не мог запомнить и потому звали Мама Хуана, принесла складной стульчик и села поближе. Все знали, что Саманта врёт. Что детей у неё трое: один сын сидит в тюрьме за попытку ограбления бензоколонки, а другой в пятнадцать лет сбежал в Калифорнию и с тех пор не появляется. Что живёт она в крохотной квартирке в субсидируемом доме с четырнадцатилетней дочерью-школьницей и часто меняющимися (у обеих) мужчинами и выбивает из государства множество разнообразных пособий. Всё получаемое и зарабатываемое она проигрывает на автоматах в казино или пропивает. Обычно сонная и медлительная, распалившись, она фантазировала виртуозно и убедительно, веря в то, что сочиняет, и каждый раз в запале создавая новую историю своей жизни, её трагедию и причины падения. Она бы ещё долго вопила, заводя себя и веселя окружающих, но тут появилась заведующая. Все с деловым видом разошлись по местам, кошка отправилась в мусорный бак, а сопровождавшей её примолкшей Саманте в спину было объяснено, что если ещё раз в таком виде... Она даже не обернулась.

Обитатели «Рая» не вняли второму предупреждению — не поняли сигнала, и потому третья мёртвая кошка, возникшая у входа следующим утром, была снабжена пояснительной запиской, написанной крупными печатными буквами на обрывке рекламного листка: «Это Китти. Я пришла». Обнаружил покойницу один из жильцов, Соломон Штерн, семидесяти шести лет, некогда молодой, удач-

ливый и состоятельный бизнесмен, а теперь разорившийся, одинокий и страдающий от бессонницы старый еврей. Выписанное снотворное Соломон накануне проиграл в карты соседу, потому ему не спалось, и он, прокравшись мимо храпящего в кресле Барнса, тихонько выскользнул наружу — покурить. Соломон не стал поднимать гвалт, когда его тапок упёрся в окоченевшую тушку, а аккуратно сдвинув её в сторону, сначала сходил в магазинчик при бензоколонке (заправщик знал старика и отпускал ему в долг до пенсии), затем под горячий кофе и ласковое утреннее солнце неторопливо выкурил в кресле на веранде первую сигарету и лишь после этого растолкал Барнса и рассказал ему о своей находке. Барнс, получивший накануне выволочку от начальства, решил показать, на что способен, и развил бурную деятельность: он запретил старикам выходить на улицу через центральный вход («чтобы не затоптать следы»), огородил кошачьи останки барьером из стульев, повесил на дверь табличку «Закррито» и поднял с постели заведующую. Та спросонья обматерила его, но примчалась через полчаса, прочла записку и вызвала полицию.

* * *

Сержант Ральф Строфалино — полицейский в третьем поколении, недавно закончивший академию, никак не ожидал, что первым делом, которое ему поручат, будет убийство кошки. Дедушка Ральфа — капитан карабинеров в Палермо — так успешно то ли боролся с мафией, то ли сотрудничал с ней, что был вынужден сразу после войны в спешном порядке перебраться в Нью-Йорк довольно состоятельным человеком. Оба сына по папиным стопам стали полицейскими, а вот теперь любимый внук мрачно предвкушал грядущие насмешки и подколы: игрушечных котят, с записками на шее, которых будут подкладывать ему на рабочий стол, сдавленное мяуканье за спиной и прочие милые и безобидные проявления полицейского юмора. Но деваться было некуда — отказаться от дела он не мог. Взбешённая заведующая уже позвонила районному полицейскому начальству и даже добралась до местного конгрессмена. Близились перевыборы, и одного намёка на то, как проголосуют все обитатели «Эдемских садов», было достаточно, чтобы политик засуетился и начал давить на полицию. Подозреваемые определились сразу — все помнили скандал, затеянный жильцами кондоминиума, и, конечно же, первое подозрение пало на них. И что было делать сержанту Строфалино? Стучаться во все двери и спрашивать, не подбрасывали ли уважаемые владельцы одного из самых дорогих домов в округе дохлых кошек под дверь приюта для небогатых пенсионеров? Ральф даже застонал вслух, представив себе эту сцену.

В большом зале, где обычно по вечерам играли в лото, выступала местная самодеятельность или устраивались благотворительные концерты, собралось почти всё население «Эдемского сада». Бурное обсуждение шло весь день с короткими перерывами на еду и процедуры. Участвовали все, кто был в состоянии

двигаться, кто мог добраться туда хотя бы в инвалидном кресле и был способен несколько минут удерживать в памяти последнюю услышанную фразу.

Увлёкшись, все забыли про виновницу, которая безучастно смотрела на суету вокруг, а после ужина, как всегда, собрала остатки с тарелки и пошла звать Китти. Но дверь чёрного хода оказалась заперта по приказу предусмотрительной заведующей, и, постояв в недоумении, женщина уронила кошачий ужин под ноги и молча побрела курить на веранду. К утру она умерла. Тихо и незаметно — во сне. Соседка по палате, правда, рассказывала, что ночью та звала Китти и ругалась, что кошка не приходит. Но соседке не слишком поверили — она была тоже не в себе и после ужина беседовала с призраками. Готовя документы покойной для похорон, заведующая впервые полностью прочла её личное дело, закурила в кабинете, чего не делала уже много лет, и схватила телефонную трубку. Она даже начала набирать номер сержанта Строфалино, но остановилась. Что она расскажет ему? Что по своей халатности только сейчас выяснила, что покойная сорок лет проработала ветеринаром в городской клинике, кастрируя котов, перевязывая трубы кошкам и усыпляя, умерщвляя, убивая каждый день, изо дня в день, из года в год? Что размеры её кладбища с несколько футбольных полей? Заведующая подумала, положила трубку и больше полицию не беспокоила.

Соломон Штерн не участвовал в коллективном расследовании, быстро перешедшем в суд. Приговор был известен заранее, виновные назначены, и теперь обвинители изощрялись, изобретая всё более ужасные способы наказания преступников. Соломон весь вечер молча слушал кровожадный разгул фантазии соседей по «раю». А когда охранник начал разгонять спорящих по палатам, докурив последнюю из купленной в кредит пачки сигарету и пошёл спать (снотворное он выменял на слабительное у толстяка Джеймса, которому было всё равно какую таблетку глотать). Уходя с ещё кипевшего собрания, Соломон довольно громко пробурчал фразу, на которую, впрочем, никто не обратил внимания:

— Послушать вас, так дохлые кошки валяются кучами по всему Бруклину. Просто подходи и бери сколько нужно.

В отличие от Соломона, до нехитрого вопроса — откуда неведомый злоумышленник добыл трёх мёртвых кошек? — юный сержант Строфалино добрался только на вторые бессонные сутки напряжённого расследования. Направление поиска казалось ему перспективным, пока он не выяснил, что в городе двенадцать кладбищ для животных, тридцать четыре приюта и больше полутора тысяч ветеринаров и ветеринарных клиник. Конечно, в каждом из этих мест существовали правила и инструкции, куда девать умерших животных, но Ральф справедливо полагал, что некоторые из работников этих заведений не откажутся от пары долларов за предназначенный для сожжения труп кошки. Когда гордый собой он изложил цифры, план действий и необходимое ему для блестящего завершения дела количество агентов, начальник отделения поскуцнел, задумался и, решив,

что от конгрессмена он как-нибудь отобьётся, отправил Ральфа подальше — ловить юнцов, ворующих велосипеды.

* * *

Я знаю, что все обращаются к нему коротко — Сол, но мне так нравится его звучное полное библейское имя, что я не могу отказать себе в удовольствии перекатать лишний раз языком три круглых шарика «О».

— Скажите, Соломон — зачем вы написали и прикололи ту записку?

Мы пьём кофе с коньяком на моём балконе. Солнце садится за дальние дома, и низенькие чахлые деревца вдоль улицы отбрасывают длинные и грозные тени. Старик откидывается в плетёном кресле, не торопясь закуривает, и блеклые глаза его под кустистыми бровями неожиданно вспыхивают весёлыми ярко-зелёными огоньками.

— Возможно затем же, зачем вы подбрасывали этих кошек...

Я аж хрюкаю от удовольствия. Старик часто поражает меня быстротой реакции, тем как нестандартно он мыслит и какими порой извилистыми путями приходит к выводам.

— Нет, Соломон — не хватайте меня за язык. Вы же знаете мою версию. Согласно ей, этой бумажки быть не могло — а никто ведь так и не смог найти хоть какое-то другое объяснение происшедшему. А зная ваш хулиганский характер и то, что именно вы обнаружили эту третью кошку с запиской, я предположил, что вы её и написали. И, как выясняется, оказался прав.

Старик подлил себе из серебряного кофейника, добавил сливок. Попробовал, причмокнул и положил два кусочка сахара. Я наполнил его опустевшую рюмку коньяком, и он одобрительно кивнул. Он никогда не приходит с пустыми руками — приносит то маленькую фляжку недорогого спиртного, то упаковку дешёвых конфет. Я всегда преувеличенно радуюсь его подарку и не говорю, что не стоит ему тратиться — ведь пьём-то мы все равно мой коньяк, и всё прочее тоже выставляю я — боюсь обидеть старика. Просто когда наши вечерние посиделки заканчиваются, я сую ему с собой пакет — «угостить соседей», куда и подсовываю что-то из того, что он принёс в предыдущие разы. Конечно, умный старик мою наивную хитрость давно раскусил, но мы оба соблюдаем правила игры. И ещё — он никогда не рассказывает о своей семье, о детях, а спросить я не решаюсь, хотя точно знаю и то, что они у него есть, и то, что к нему никто не приходит.

— Да, я помню вашу теорию. Но больно уж у вас заумно получается — переполненный кошачий рай... или ад, не важно, — добавил он, заметив мой протестующий жест. — Ну, и лишних, значит, назад — на Землю.

— Зато у вас, Соломон, как-то всё плоско выходит, — надулся я. — Я не узнаю своих слов. Вы выхолостили, кастрировали мою теорию, как тех несчастных

котов, из которых люди сделали себе сотни миллионов живых игрушек. Да-да, не удивляйтесь. В мире порядка полумиллиарда домашних и бездомных кошек. Я не говорю о диких — их в пять раз меньше. Одной рукой мы разводим их, другой — убиваем, иначе они сожрут нас. Так что да — кошачий «иной мир» должен переполниться. Ведь, творя эти миры, Всевышний не рассчитывал, что мы, нагло взяв на себя его функции, создадим и расплодим такое безумное количество живых душ. И свалим последствия на Него. Но мы отвлеклись — так зачем вы подсунули ту записку?

Старик задумался, пожевал вялыми губами, отхлебнул коньяка.

— Даже не знаю, что вам ответить. В тот момент у меня определённо не было никаких хитрых планов. Вот словно кто-то под руку толкнул. Пошутить, может, хотел. Не знаю.

— Да уж — пошутили... Мир полон шутников со своеобразным чувством юмора, Соломон.

— А что — совсем плохо получилось? — расстроено спрашивает он.

— Вовсе нет. По-моему — так просто замечательно. Это изрядно оживило весь сюжет с кошками и придало истории неожиданное развитие. Становилось скучно. А так все забегали, засуетились... и полиция... — тут я заметил промелькнувшую у него встревоженную гримасу. — Нет, нет. Не волнуйтесь — я никому не расскажу.

Уставшее закатное солнце вяло путается в мутных, плохо вымытых стёклах «Эдемского сада». По шевелению занавесок, похоже, оттуда наблюдают за нами, и Соломону это нравится. Я представляю, как вечером он будет небрежно рассказывать за картами о том, что заглянул на рюмочку к одному своему приятелю, и щемящая жалость, как тепло после первого глотка, наполняет меня. Соломон смотрит, прищурившись, через рюмку на закат, и я понимаю, что одним глазом он разглядывает вечность, где цена всему — дохлая кошка. Старческое тщеславие и коньяк подкрашивают его бледные с голубыми прожилками щёки в розовый цвет и делают похожим на старого и бесконечно усталого клоуна.

Владимир Резник. Родился в Сибири, рос в Ленинграде, сейчас живёт в Нью-Йорке. Окончил Политехнический институт, сменил десяток мест работы и профессий: от инженера-конструктора до кочегара банной котельной. Публиковаться начал с 2016 года. В журналах «Этажи», «Чайка», «Семь искусств», «Заметки по еврейской истории», «Мастерская», «Кругозор» вышло больше трёх десятков рассказов и повестей. Изданы: сборник «Славута и окрестности», роман «Седьмой от Адама». Три детских повести вышли на русском и английском языках.